

І.В. ЗАВЬЯЛОВА У СПОГАДАХ УЧНІВ

*Д.П. Урсу,
выпускник истфака 1958 г.*

МОРАЛЬНЫЙ АВТОРИТЕТ

Среди преподавателей нашего факультета в прошедшее после войны полстолетия особое место занимала Ирина Владимировна Завьялова, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков. В памяти тысяч выпускников она осталась замечательным педагогом, строгим и справедливым, прекрасным лектором, доступно объясняющим сложные вопросы европейского «темного тысячелетия». Она владела сокровищницей мировой культуры и щедро делилась своими знаниями с учениками, изумительно красиво и правильно говорила по-русски, читала на английском и французском. Но главным, определяющим в ее жизненной позиции и учебной деятельности было воспитание личным примером высоких моральных ценностей, этических идеалов, безукоризненных нравственных устоев. Коллегам и ученикам она запомнилась человеком слова, долга и чести. Тот моральный императив, о котором писал Кант, стал стержневым принципом ее биографии, и она вместе с основами медиевистики с успехом преподавала его ученикам.

Столетний юбилей Ирины Владимировны - хороший повод задуматься о сложностях нашего ремесла. Профессия преподавателя высшей школы обладает странной особенностью: профессора и доценты с годами незаметно слабеют, стареют, а обучаемым всегда по 20 лет. Так было во все времена; и школярам средневековой Сорбонны было чуть больше 20, и студентам Соловьева, Ключевского, Грушевского. Такой возраст и у наших слушателей. Уверен, что и через много - много лет аудитории университетов по-прежнему будут заполняться двадцатилетними.

Кажется, студенты никогда не взрослеют, будто время над ними не властно. Древние утверждали: «Tempus edax regum». Это означает: все боится времени, но и время боится... нет, не пирамид, ныне они быстро разрушаются; время боится студентов. Они - вечно молодые, всегда непоседливые, говорливые, часто непослушные и, к великому сожалению, слабо подготовленные к изучению наук. Говоря так, я вспоминаю слова молодого Пушкина:

В порабощенные бразды
Бросал живительное семя

Но потерял я только время

В этом - вечная драма учительской профессии: сеять разумное, доброе, вечное в почву, которая не всегда подготовлена надлежащим образом. Тем не менее, мы вновь и вновь начинаем посевную, надеясь на обильную жатву. И каждый раз преподаватель несказанно рад, когда среди пустоцветов и плевел вырастает полновесный колос. В нем золото знаний должно быть облагорожено бриллиантом нравственных качеств. Образцом такого редкого сочетания, точнее сплава, и была Ирина Владимировна.

На историческом факультете она стала непререкаемым моральным авторитетом для всех, кто ее окружал - коллег и студентов. Среди преподавателей она была единственной, кто проходил сквозь годы и десятилетия все такой же легкой походкой, не сгибаясь, не опускаясь, не старея. Ее стройная фигура балерины Большого театра оставалась юной, мысль острой и точной, речь ясной и внятной. Лишь голубые глаза светлели, да на волосы садился густой серебряный иней. Я ее впервые увидел, когда она перешагнула сорокалетний рубеж. Ее сверстницы на факультете казались уже старушками и получили у студентов ласково-презрительные прозвища «баба Дуня», «баба Маня» и «баба Нина». Выглядели они постаревшими не столько из-за внешнего вида - тогда все ходили бедно одетыми, - а прежде всего из-за манеры поведения, унылого голоса, раболепия перед начальством.

На этом фоне выделялись две факультетские дамы - Завьялова и Першина. Замечу в скобках, что вторую из названных я узнал ближе, лишь поступив в аспирантуру. Несмотря на разницу в возрасте, они между собой дружили. Очевидно, с тех пор, как в 1944-1946 годах были любимыми ученицами профессора Н.Н. Розенталя: одна - аспиранткой (Завьялова), другая (Першина) писала под его руководством курсовую работу о Жанне д'Арк, которая была отмечена как лучшая в университете студенческая работа.

Я, уже став заведующим кафедрой, бывало, заходил по делу к декану, а там они вдвоем сидят и что-то оживленно обсуждают. Приходилось ретироваться, не решив вопроса.

Вообще говоря, я не знаю, с кем Ирина Владимировна дружила. Мне она казалась мало эмоциональной, холодной что ли, со всеми держала определенную дистанцию. Какие имела отношения с коллективом кафедры, не имею понятия. Единственное, что замечал - это подругу, доцента кафедры политэкономии, с мужеподобной внешностью и прокуренным голосом.

Знал я Ирину Владимировну в продолжение 33-х лет, от поступления в университет до отъезда в Крым (1953-1986), с несколькими перерывами разной продолжительности: после получения диплома я

учительствовал на Херсонщине, потом уезжал на учебу в Москву и Париж, преподавал в Африке. В бытность мою за морями несколько раз садился писать письмо Ирине Владимировне, но каждый раз останавливался. Хотелось, конечно, узнать факультетские новости: за несколько дней до отъезда, в начале сентября 1972 года, на моей кафедре сменился заведующий - место профессора К.Д. Петряева занял пришлый, и, как вскоре оказалось, неподготовленный человек. Писать Завьяловой, повторяю, я не осмелился. Хотя уверен, что она тоже была романтиком и любила дальние странствия. Один мой знакомый встречал ее на Соловецких островах.

В годы моего студенчества и позже основную рабочую, скажем, тягловую силу на факультете составляли доценты. Это были в истории университета уникальные 15 лет (1953-1968), когда у нас не было ни одного профессора. Лишь однажды приезжий с Сахалина по фамилии Сенченко мелькнул и скоро исчез. Последними «могиканами» с профессорским званием были К.П. Добролюбский и упомянутый выше Н.Н. Розенталь. После них настал период беспрофессорства, что, скажу прямо, на качестве выпускников не отразилось. Только начиная с 1968 года, стала появляться следующая серия профессоров в таком порядке: Раковский, Петряев, Карышковский, Першина, Аппатов. Все названные были одаренными людьми с большими достоинствами и немалыми пороками, которые они не умели скрыть. Ирина Владимировна стояла за этим кругом. Она обладала таким нравственным превосходством, что с факультетской аристократией не сливалась, стоя над нею со своей безукоризненной репутацией.

Прежде чем рассказать о нескольких эпизодах, связанных с нашими личными отношениями, должен затронуть один деликатный вопрос, которого не могу не коснуться. Иначе я уклонюсь от истины, чего делать никак нельзя. Речь пойдет о ее малой научной продуктивности, ведь за столь долгую жизнь она напечатала едва десяток статей. Это сильно контрастирует с ситуацией, что сложилась сегодня: вчерашние посредственные студенты еще в аспирантуре имеют множество публикаций, в том числе и толстые монографии. И пошло - поехало. Чем объяснить пассивность Завьяловой?

Выскажу несколько предположений. Первая, самая невероятная, такова: ученый мало или вовсе ничего не печатает из протеста к насквозь идеологизированной официальной науке, какой в те годы была история. Даже в медиевистике установились строгие догмы и стереотипы, преступить которые было невозможно. Но некоторые ученые, протестуя, тем не менее, писали «в стол», как например А.И. Неусыхин. Другое объяснение чисто прагматическое: негде было печатать свои труды, так как исторических журналов издавалось очень мало. Но вновь-таки можно

выставить возражение: П.О. Карышковского много и охотно печатали в центральных журналах. Помню, как другой наш медиевист, доцент М.Е. Беркович, мне показывал выпуск «Средних веков» со своей статьей о титулатуре в Священной Римской империи. Так что мои гипотезы, скорее всего, ошибочны.

Есть и третья мысль, о которой скажу, начав с некоторых обобщений. Наука есть призвание, страсть и Божье наказание. Эту триаду в полном объеме сможет вынести далеко не каждый, причастный к науке. Если нет внутреннего импульса к творчеству, то и писание научной работы превращается в пустую трату времени. Хорошо пишется только тогда, когда есть органическая потребность высказаться и приходит вдохновение. Все это я говорю не в упрек Ирине Владимировне, так как свою главную и основную функцию, учебно-воспитательную, она выполняла лучше многих маститых профессоров, имеющих в своем багаже сотни публикаций, которые не выдержали испытания временем и представляют сегодня лишь историографический интерес.

В заключение расскажу о нескольких эпизодах с участием Ирины Владимировны, которые мне запомнились лучше других. Два из них произошли в 1954-55 учебном году, когда я учился на втором курсе, а она руководила моей курсовой работой. Мне выпала тема ««Песнь о Роланде» как исторический источник», проблема на стыке фольклористики, литературоведения и собственно истории. Понятно, что на французском языке этому сюжету посвящены сотни научных трудов, но тогда я его не знал, а учил английский. Так случилось, что наш «англичанин», молодой человек, которого мы звали Шуриком, задал мне для дополнительного чтения книжку Ральфа Фокса «People and the novel». В написанной, как я позже узнал, с марксистских позиций работе английский журналист поместил небольшой раздел с рассуждениями о средневековом французском эпосе. Я старательно его перевел и, сделав необходимую ссылку, процитировал, а в списке использованной литературы среди прочих гордо указал Фокса и его книгу.

Ирина Владимировна сразу заметила мою новацию, похвалила и объяснила, почему в научной работе всегда надо стараться использовать книги и статьи зарубежных авторов. Этот урок запомнился мне на всю жизнь. Сейчас я, в свою очередь, пытаюсь передать эту эстафету следующим поколениям историков. И мне искренне жаль тех, кто при элементарном знании языков лишают себя удовольствия узнать неизвестные факты, которых не найти в отечественной литературе. Иностранные труды отличаются и новыми подходами к теме, оригинальными идеями, дающими дополнительную пищу для размышлений, для дискуссий. Короче, такая литература сильно расширяет

кругозор ученого, помогает ему выйти из стереотипных, избитых представлений к новым горизонтам.

На этом же курсе у меня произошла другая встреча с Ириной Владимировной, уже неприятная. На экзамене по средним векам мне попался вопрос о «Золотой булле» венгерского короля Андрея Второго. Отвечал я, помнится, неуверенно, хотя к экзаменам готовился усердно и в зачетке были одни «пятерки». Завьялова совершенно объективно поставила мне «четверку». А это означало, что я лишался повышенной стипендии, бывшей для меня единственным источником пропитания. Скажу для не знающих моей биографии: с 10-летнего возраста я воспитывался в сиротском приюте, а став студентом, жил или, точнее, выживал на одной стипендии, ниоткуда не получая помощи. Думаю, что Ирина Владимировна знала об этом и, тем не менее, из принципа лишила меня куска хлеба. Ее поступка не могу оправдать до сих пор. Сейчас эту дилемму я бы решил, как советует мудрый Далай-лама: любую абстрактную идею, например, справедливость, следует смягчать милосердием.

После этого инцидента я долго держал обиду на Ирину Владимировну. Помирились мы окончательно тридцать лет спустя, когда встал вопрос о рекомендации моей докторской диссертации к защите. Тут возникла процедурная заминка: как заведующий, я не мог вести заседание кафедры. Кроме того, работа шла по редкой специальности 07.00.00. - историография, источниковедение и методы исторических исследований. На факультете, да и во всем городе, специалистов по этой дисциплине не было, а требовалось на обсуждение пригласить эксперта. Выход был найден в рамках установленной процедуры: заседание кафедры вела декан факультета профессор Першина, в качестве эксперта согласилась выступить Завьялова, преподававшая курс историографии средних веков. Она самым тщательным образом изучила мой труд (к защите в Институте востоковедения АН СССР была принята монография в 20 авторских листов, выпущенная в Москве издательством «Наука»). Она подвергла его обстоятельному анализу, нашла слабые места, которые, увы, уже нельзя было исправить. Я еще раз удивился ее эрудиции и широте познаний, книга ведь была посвящена экзотическому для нее сюжету - историографии стран Тропической Африки. Несмотря на новизну темы, с задачей эксперта Завьялова справилась как нельзя лучше.

В последний раз мы виделись летом 1991 года, когда я был приглашен в Одесский университет в качестве председателя ГЭК. Перед итоговым заседанием Совета факультета я подошел к ней, поприветствовал. Она сильно сдала, усохла как будто, а не постарела, глаза стали небесно-голубыми, а голова - белой. Ирина Владимировна спросила, как мне работается в Крыму, как отнеслись к варягу-одесситу

коллеги по кафедре, получил ли я квартиру. Короткий разговор закончился грустной констатацией: «Стареем, батенька, стареем». ольше я ее не видел.

Завершить свои заметки я хочу проникновенными словами великого поэта, как будто написанными по адресу нашего незабвенного учителя и коллеги Ирины Владимировны Завьяловой:

Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колена.